

РОЖДЕСТВО ХРИСТОВО

И Д А

Однажды на Святках завтракали мы четверомъ, — три старыхъ пріятеля и нѣкто Георгій Ивановичъ, — въ Большомъ Московскомъ.

По случаю праздника въ Большомъ Московскомъ было пусто и прохладно, свѣжо пахло живыми цвѣтами, гаданьями и ландышами. Мы прошли старый залъ, блѣдно освѣщенный сѣрыми морозными днями, и пристановились въ дверяхъ новаго, выбирая, гдѣ поуютнѣй сѣсть, оглядывая столы, только что покрытые блѣднѣющими тугими скатертями. Сіяющей чистотой и любезностью распорядитель сдѣлалъ скромный и изысканный жестъ въ дальній уголъ, къ круглому столику за полукруглымъ диваномъ, подъ густыми темнозелеными лаврами. Пошли туда.

— Господа, сказала композиторъ, заходя на диванъ и ваясь на него своимъ коренастымъ туловищемъ, — господа, я нынче почему-то угощаю и хочу лировать на славу. — Раскните-же намъ, услужающей, самобранную скатерть какъ можно щедрѣе, — сказала она, обращая къ половому свое ширококосулое мужицкое лицо съ узкими глазами. — Вы мои королевскія замашки знаете.

— Какъ не знать, пора наизусть выучить, — сдержанно улыбаясь и ставя передъ нимъ пепельницу, отвѣтилъ старый умный половый съ чистой серебряной бородкой. — Будьте покойны, Павелъ Николаевичъ, поставятся...

И черезъ минуту появились передъ нами рюмки и фужеры, бутылки съ разношвѣтными водками, розовая семага, смугло-блѣдный балыкъ, блюдо съ раскрытыми на лепяныхъ осколкахъ раковинами, оранжевый квадратъ честера, черная блестящая глыба папосной икры, бѣлый и ртотный отъ холода ушатъ съ шампанскимъ... Начали все такъ съ первыми. Композиторъ любилъ наливать самъ. И онъ налилъ три рюмки, потомъ шутиво замедлился: — Святѣйшій Георгій Ивановичъ, и вамъ позволите?

Георгій Ивановичъ, имѣвшій единственное и престранное занятіе, — быть другомъ известнымъ писателемъ, художникомъ, артистомъ, — человекъ весьма тихій и неизменно прекрасно настроенный, нѣжно покраснѣвъ, — онъ всегда краснѣлъ передъ тѣмъ, какъ сказать что нибудь, — и отвѣтилъ съ нѣкоторой безшабашностью и развязностью: — Даже и очень, грѣшнѣйшій Павелъ Николаевичъ!

И композиторъ налилъ и ему, легонько стукнувшись своей рюмкой о наши рюмки, махнулъ водку въ ротъ со словами: «Дай, Боже!» и, дуя себѣ въ усы, принялся за закуски. Принялись и мы, и занимались этимъ дѣломъ довольно долго. Потомъ заказали уху и закурили. Въ старой залѣ нѣжно и грустно запѣла, укоризненно зарычала машина. И композиторъ, откинувшись къ спинкѣ дивана, затягиваясь папиромъ и, по своему обыкновенію, набирая въ свою высоко поднятую грудь воздуху, сказала: — Дорогие и, къ сожалѣнію, уже весьма почтенные друзья, мнѣ, не взирая на всю радость утробы моей, нынче грустно. А грустно мнѣ потому, что вспомнилась мнѣ нынче, какъ только я проснулся, одна небольшая исторія, случившаяся съ однимъ моимъ пріятелемъ, форменнымъ, какъ оказа-

лось впоследствии, осломъ, ровно три года тому назадъ, на второй день Рождества...

— Исторія небольшая, но, вѣдь всякаго сомнѣнія, амурная, — сказала Георгій Ивановичъ со своей дѣвичьей улыбкой.

Композиторъ покосился на него. — Амурная? — спросилъ онъ холодно и насмѣшливо. — Ахъ, Георгій Ивановичъ, Георгій Ивановичъ, какъ вы будете за всю вашу порочность и беспощадный умъ на Стрѣшномъ Судѣ отвѣчать? Ну, да Богъ съ вами. «Je veux un trésor qui les contient tous, je veux la jeunesse!» — поднимая брови, запѣлъ онъ подъ машину, играющую Фауста, и продолжалъ, обращаясь къ намъ: — Друзья мои, вотъ эта исторія. Въ нѣкоторое время, въ нѣкоторомъ царствѣ ходила въ домъ нѣкотораго господина нѣкотораго дѣвца, подруга его жены по курсамъ, настолько незатѣйливая, милая, что господинъ звалъ ее просто Идой, то есть только по имени. Ида да Ида, онъ даже отчества ея не зналъ хорошенько. Зналъ только, что она изъ порядочной, но мало состоятельной семьи, дочь музыканта, бывшаго когда-то извѣстнымъ дирижеромъ, живетъ при родителяхъ, ждетъ, какъ полагаются, жениха — и больше ничего...

— Какъ вамъ описать эту Иду? Расположеніе господинъ чувствовалъ къ ней большое, но вниманія, повторю, обращалъ на нее, собственно говоря, ноль. Придетъ она — онъ къ ней: «А-а, Ида, дорогая! Здравствуйте, здравствуйте, душевно радъ васъ видѣть!» А она въ отвѣтъ слегка улыбается, снимаетъ шляпку, трогаетъ обими руками волосы, прячетъ носовой платочекъ въ муфту, ясно, по дѣвичьи (и немощно безмысленно) оглядывается: «Маша дома?» — «Дома, дома, милости просимъ.» — «Можно къ ней?» — И спокойно идетъ черезъ столовую къ дверямъ Маши: «Маша, къ тебѣ можно?» — Голосъ грудной, до самыхъ жаберъ волнующій, а къ этому голосу прибавьте все прочее: свѣжесть молодости, здоровья, запахъ чистой дѣвушки, только что вошедшей въ комнату съ мороза... затѣмъ довольно высокій ростъ, стройность, рѣзкую гармоничность и естественность движеній... Было и лицо у нея рѣдкое, — на первый взглядъ какъ будто совсѣмъ обыкновенное, а приглядясь — залюбуешься: тонъ кожи ровный, теплый, — тонъ какого-нибудь самаго перваго сорта яблока, — цвѣтъ фиалковыхъ глазъ живой, полный...

— Да, приглядясь, залюбуешься. А этотъ болванъ, то есть герой нашего разсказа, поглядитъ, придетъ въ телячій восторгъ, скажетъ: «Ахъ, Ида, Ида, цѣны вы себѣ не знаете!» — увидитъ ея отвѣтную, милую, но какъ будто не совсѣмъ внимательную улыбку — и уйдетъ къ себѣ, въ свой кабинетъ, и опять займется какой-нибудь чепухой, называемой творчествомъ, чортъ бы его побралъ совсѣмъ. И такъ вотъ и шло время, и такъ нашъ господинъ даже никогда не задумался объ этой самой Идѣ мало мальски серьезно — и совершенно, можете себѣ представить, не замѣтилъ, какъ она, въ одно прекрасное время, исчезла куда-то. Нѣтъ и нѣтъ Иды, а онъ даже не догадывается у жены спросить: а куда-же, моль, наша Ида дѣвалась? Вспомнить иной разъ, почувствуетъ, что ему чего-то не достаетъ, вообразитъ сладкую муку, съ

которой онъ могъ-бы обнять ея талию, мысленно увидитъ ея сѣрую муфточку, цвѣтъ ея лица и фиалковыхъ глазъ, ея прелестную руку, ея английскую юбку, затоскуетъ на минуту — и опять забудетъ. И прошелъ такимъ родомъ годъ, прошелъ другой... Какъ вдругъ понадобилось однажды ему ѣхать въ западный край...

— Дѣло было на самое Рождество. Но, не взирая на то, ѣхать было необходимо. И вотъ, простясь съ рабами и домочадцами, сѣлъ нашъ господинъ на борзого коня и поѣхалъ. Ёдетъ день, ѣдетъ ночь и доѣзжаетъ наконецъ до большой узловой станціи, гдѣ нужно пересаживаться. Но доѣзжаетъ, нужно вамъ замѣтить, со значительнымъ опозданіемъ и поспе, какъ только сталъ поѣздъ замедлять возлѣ платформы ходъ, выскакиваетъ изъ вагона, хватается за шиворотъ перваго попавшагося носильщика и кричитъ: «Не ушелъ еще курьерскій туда-то?» А носильщикъ вѣжливо усмѣхнется и молвитъ: «Только что ушелъ-съ. Вѣдь вы на цѣлыхъ полтора часа изволили опоздать». — «Какъ, негодяй? Ты шутишь? Что-жъ я теперь дѣлать буду? Въ Сибирь тебя, на каторгу, на плаху!» — «Мой грѣхъ, мой грѣхъ, отвѣчаетъ носильщикъ, да повинную голову и мечъ не счѣтаетъ, ваше сіятельство. Извольте подождать пассажирскаго...» И поникъ головой и покорно побрѣлъ нашъ знатный путешественникъ на станцію...

— На станціи-же оказалось весьма людно и пріятно, уютно, тепло. Уже съ недѣлю несло вьюгой, и на желѣзныхъ дорогахъ все спуталось, всѣ симпатиченъ и скромно тоже на рѣдкость. Ида пробормотала одну изъ самыхъ знаменитыхъ русскихъ фамилій, а онъ быстро снялъ фуражку рукой въ бѣлой замшевой перчаткѣ, — въ фуражкѣ, конечно, мелькнуло красное муаровое дно, — быстро обнажилъ другую руку, тонкую, блѣдно-лазурную, и отъ перчатки немощно какъ-бы въ мучкѣ, щелкнулъ каблучками и почтительно уронилъ на грудь небольшую и такъ шатлениво причесанную голову. «Вотъ такъ штука!» — еще изумленнѣе поумалъ нашъ герой, еще разъ тупо взглянулъ на Иду — и мгновенно понялъ по взгляду, которымъ она скользнула по студенту, что, конечно, она царца, а онъ рабъ, но рабъ однако не простой, а несущій свое рабство съ величайшимъ удовольствіемъ и даже гордостью. — «Очень, очень радъ познакомиться!» — отъ всей души сказалъ этотъ рабъ, крѣпко пожавъ протянутую руку, и съ бодрой и пріятной улыбкой выпрямился. — «И давній поклонникъ вашъ, и много слышалъ о васъ отъ Иды», сказалъ онъ, дружелюбно глядя, и уже хотѣлъ было пуститься въ дальнѣйшую, пріличествующую случаю бесѣду, какъ неожиданно былъ перебитъ: «Помолчи, Петричъ, не конфузъ меня, сказала Ида поспѣшно и обратилась къ господину: — Дорогой мой, но я васъ тысячу лѣтъ не видала! Хочется безъ конца говорить съ вами, но совсѣмъ нѣтъ охоты говорить при немъ. Ему неинтересны наши воспоминанія, будетъ только скучно и отъ скуки неловко, поэтому пойдемъ, похажимъ по платформѣ...» И сказавъ такъ, взяла она нашего раба Божьяго подъ руку и повела на платформу, а по платформѣ ушла съ нимъ чуть не за версту, гдѣ снѣгъ чуть не по колѣно, и — неожиданно извѣсно-ласково тамъ въ любви къ нему...

— То есть какъ въ любви? — въ

насмѣшливо, что ли. А господинъ нашъ вполне опѣшилъ еще и отъ того, что и во всемъ прочемъ совершенно неузнаваема стала Ида: какъ-то удивительно расцвѣла вся, какъ расцвѣтаетъ какой-нибудь великолѣпнѣйшій цвѣтокъ въ чистѣйшей водѣ въ какомъ-нибудь этакомъ хрустальномъ бокалѣ, а соответственно съ этимъ и одѣта: большой скромности, большого кокетства и дьявольскихъ денегъ зимняя шляпка, на плечахъ тысячная соболья накидка... Когда господинъ неловко и смиренно поцѣловалъ ея руку въ ослѣпительныхъ перстняхъ, она слегка кивнула шляпкой назадъ черезъ плечо, небрежно сказала: «Познакомьтесь кстади съ моимъ мужемъ» — и тотчасъ же быстро выступилъ изъ-за нея и скромно, но молочно, по-военному представился студентъ...

— Ахъ, наглець! — воскликнулъ Георгій Ивановичъ. — Обыкновенный студентъ?

— Да въ томъ-то и дѣло, дорогой Георгій Ивановичъ, что необыкновенный, — сказала композиторъ съ невольной усмѣшкой. — Кажется, за всю жизнь не видалъ нашъ господинъ такого, что называется, благороднаго, такого чудеснаго, мраморнаго юношескаго лица. Одѣтъ щеголемъ: ту-журка изъ того самаго тонкаго свѣтло-сѣраго сукна, что носятъ только самые большие франты, плотно облегающая ладный торсъ, панталоны со штрипка ми, темно-зеленая фуражка прусскаго образца и роскошная николаевская шинель съ борбормомъ. А при всемъ томъ симпатиченъ и скромно тоже на рѣдкость. Ида пробормотала одну изъ самыхъ знаменитыхъ русскихъ фамилій, а онъ быстро снялъ фуражку рукой въ бѣлой замшевой перчаткѣ, — въ фуражкѣ, конечно, мелькнуло красное муаровое дно, — быстро обнажилъ другую руку, тонкую, блѣдно-лазурную, и отъ перчатки немощно какъ-бы въ мучкѣ, щелкнулъ каблучками и почтительно уронилъ на грудь небольшую и такъ шатлениво причесанную голову. «Вотъ такъ штука!» — еще изумленнѣе поумалъ нашъ герой, еще разъ тупо взглянулъ на Иду — и мгновенно понялъ по взгляду, которымъ она скользнула по студенту, что, конечно, она царца, а онъ рабъ, но рабъ однако не простой, а несущій свое рабство съ величайшимъ удовольствіемъ и даже гордостью. — «Очень, очень радъ познакомиться!» — отъ всей души сказалъ этотъ рабъ, крѣпко пожавъ протянутую руку, и съ бодрой и пріятной улыбкой выпрямился. — «И давній поклонникъ вашъ, и много слышалъ о васъ отъ Иды», сказалъ онъ, дружелюбно глядя, и уже хотѣлъ было пуститься въ дальнѣйшую, пріличествующую случаю бесѣду, какъ неожиданно былъ перебитъ: «Помолчи, Петричъ, не конфузъ меня, сказала Ида поспѣшно и обратилась къ господину: — Дорогой мой, но я васъ тысячу лѣтъ не видала! Хочется безъ конца говорить съ вами, но совсѣмъ нѣтъ охоты говорить при немъ. Ему неинтересны наши воспоминанія, будетъ только скучно и отъ скуки неловко, поэтому пойдемъ, похажимъ по платформѣ...» И сказавъ такъ, взяла она нашего раба Божьяго подъ руку и повела на платформу, а по платформѣ ушла съ нимъ чуть не за версту, гдѣ снѣгъ чуть не по колѣно, и — неожиданно извѣсно-ласково тамъ въ любви къ нему... — То есть какъ въ любви? — въ

одина голосъ спросили мы, слегка опѣшивъ.

Композиторъ вмѣсто отвѣта опять набралъ воздуху въ грудь, надуваясь и поднимая плечи. Онъ опустилъ глаза и, мѣшковато приподнявшись, потащилъ изъ серебрянаго ушата, изъ шурующаго льда, бутылку, налилъ себѣ самый большой фужеръ. Скулы его зардѣлись, короткая шея покраснѣла. Пересиливая и стараясь скрыть смущеніе, онъ выпилъ бокалъ до дна, какъ квасъ, затянулъ было подъ машину: «Laissez moi, laissez moi contempler ton visage!» — но тотчасъ-же оборвалъ и, рѣшительно поднявъ на насъ еще болѣе сужившееся глаза, сказалъ: — Да то есть такъ, что въ любви... И объясненіе это было, къ несчастью, самое настоящее, совершенно серьезное. Глупо, дико, неожиданно, неправдоподобно? Да, разумеется, но — фактъ. Было именно такъ, какъ я вамъ докладываю. Пошли они по платформѣ и тотчасъ начала она быстро и съ притворнымъ оживленіемъ расширивать его о Машѣ, о томъ, какъ, моль, она поживаетъ и какъ поживаетъ ихъ общіе московскіе знакомые, что вообще новенькаго въ Москвѣ и такъ далѣе, затѣмъ сообщила, что замужество она уже второй годъ, что жили они съ мужемъ это время частью въ Петербургѣ, частью за границей, а частью въ ихъ имѣньѣ подъ Витебскомъ... Господинъ же только поспѣшно шель за ней и уже чувствовалъ, что дѣло что-то неладно, что сейчасъ будетъ что-то дурацкое, неправдоподобное, и во всѣхъ глаза смотрѣлъ на блѣдну снѣжныхъ сугробовъ, въ невѣроятномъ количествѣ завалившихъ все и вся вокругъ. — Всѣ эти платформы, пути, крыши построекъ и красныхъ и зеленыхъ вагоновъ, сбившихся на всѣхъ путяхъ... смотрѣлъ и съ страшнымъ замираніемъ сердца понималъ только одно: то, что, оказывается, онъ уже много лѣтъ звѣрски любитъ эту самую Иду. И вотъ, можете себѣ представить, что произошло дальше: дальше произошло то, что на какой-то самой дальней, боковой платформѣ Ида подошла къ какимъ-то ящикамъ, смахнула съ одного изъ нихъ снѣгъ муфтой, сѣла и, поднявъ на господина свое слегка поблѣднѣвшее лицо, свои фиалковые глаза, до умопомраченія неожиданно, безъ передышки сказала ему: «А теперь, дорогой, отвѣтите мнѣ еще на одинъ вопросъ: знали-ли вы и прежде, что я любила васъ цѣлыхъ пять лѣтъ и люблю до сихъ поръ?»

Машина, до этой минуты рычащая вдали неопредѣленно и глухо, вдругъ загрохотала героически, торжественно и грозно. Композиторъ смолкъ и поднялъ на насъ какъ бы испуганные и удивленные глаза. Потомъ негромко произнесъ: — Да, вотъ что сказала она ему... А теперь позволите спросить: какъ изобразить всю эту сцену дурацкими человеческими словами? Что я могу сказать вамъ, кромѣ пошлости, про это поднятое лицо, освѣщенное блѣдностью того особаго снѣга, что бываетъ послѣ метелей, и про нѣжнѣйшій неизясынимый тонъ его, тоже подобный этому снѣгу, вообще про лицо молодой, прелестной женщины, на ходу надышавшейся снѣжнымъ воздухомъ и вдругъ признавшейся вамъ въ любви и ждущей отъ васъ отвѣта на это признаніе? Что я сказалъ про ея глаза? Фиалковые? Не то, не то, конечно, не

то, ни къ чорту не годится! А полу, раскрытыя губы? А выраженіе, выраженіе всего этого въ общемъ, вмѣстѣ, то есть лица, глазъ и губъ? А длинная соболья муфта, въ которую были спрятаны ея руки, а колѣни, которыя обрисовывались подъ какой-то клѣтчатой сине-зеленой шотландской матеріей? Боже мой, да развѣ можно даже касаться словами всего этого! А главное, главное: что-же можно было отвѣтить на это съ ногъ сшибательное по неожиданности, ужасу и счастью признаніе, на выжидающее выраженіе этого доврѣчиво поднятаго, поблѣднѣвшаго и искажившагося (отъ смущенія, отъ какого-то подобія улыбки) лица? Мы молчали, тоже не зная, что сказать, что отвѣтить на всѣ эти вопросы, съ удивленіемъ глядя на сверкающіе глаза и красное лицо нашего пріятеля, и онъ самъ отвѣтилъ себѣ: — Ничего, ничего, ровно ничего! Есть мгновенія, когда ни единого звука нельзя вымолвить. И къ счастью, къ великой чести нашего путешественника, онъ ни звука и не вымолвилъ. И она поняла его окаяннѣе, она видѣла его лицо. Положивъ нѣкоторое время, побывъ неподвижно среди того нелѣпаго и жуткаго молчанія, которое послѣдовало послѣ ея страшнаго вопроса, она поднялась и, вынувъ теплую руку изъ теплой, душистой муфты, обняла его за шею и нѣжно и крѣпко поцѣловала однимъ изъ тѣхъ поцѣлуевъ, что помнятся потомъ не только до гробовой доски, но и въ могилѣ.

Да-съ, только и всего: поцѣловала — и ушла. И тѣмъ вся эта исторія и кончилась... И вообще довольно объ этомъ, — вдругъ рѣзко мѣняя тонъ, сказала композиторъ и громко, съ напускной веселостью прибавилъ: — И давайте по сему случаю пить на сломную голову! Пить за всѣхъ любившихъ насъ, за всѣхъ, кого мы, идюты, не оцѣнили, съ кѣмъ мы были счастливы, блаженны, а потомъ разошлись, растерялись въ жизни навсегда и навѣки! И давайте условимся такъ: тому, кто въ добавленіе ко всему вышеизложенному прибавитъ еще хоть единое слово, я пушу въ черепъ вотъ этой самой шампанской бутылкой. — Услужайші! — закричалъ онъ на всю залу: — несите уху! И хересу, хересу, бочку хересу, чтобы я могъ окунуть въ него морду прямо съ рогами!

Завтракали мы въ этотъ день до одинадцати часовъ вечера. А послѣ поѣхали къ Яру, а отъ Яра — въ Стрѣльну, гдѣ предъ разсвѣтомъ ѣли блины, потребовавъ водки самой простой, съ красной головкой, и вели себя въ общемъ возмутительно: пѣли, орали и даже плясали казачка. Композиторъ плясалъ молча, свирѣло и восторженно, съ легкостью необыкновенной для его фигуры. А неслись мы на тройкѣ домой уже совсѣмъ утромъ, страшно морознымъ и розовымъ. И когда неслись мимо Стрѣшнаго монастыря, показалось изъ-за крышъ ледяное красное солнце и съ колокольни сорвался первый, самый какъ будто, тяжкій и великолѣпный ударъ, потрясшій всю морозную Москву, и композиторъ вдругъ сорвалъ съ себя шапку и что есть силы и со слезами закричалъ на всю площадь: — Солнце мое! Возлюбленная моя! Ура-а!

Ив. Бунинъ.
6. XII. 1925.
Примор. Альпы.

И. Б. 1925